

Таким образом, произведения А. С. Пушкина помогали рабочему классу и крестьянству бороться за счастливое будущее.

Поэзия М. Ю. Лермонтова и сибирское песнетворчество

Творчество М. Ю. Лермонтова изучено глубоко и всесторонне. Современному исследователю поэтического наследия этого гениального поэта очень трудно найти что-нибудь новое в его творческой биографии. На протяжении более ста лет десятки видных ученых изучали до мельчайших подробностей не только творческое наследие поэта в целом, но и его отдельные произведения. В общей сложности в русском литературоведении сложился целый, можно сказать, самостоятельный раздел науки — лермонтоведение. Лермонтоведы различных направлений и разных взглядов неизменно сходятся на том, что творчество поэта было тесно связано с народной поэзией, что он часто использовал ее мотивы в своих произведениях.

Фольклоризм произведений М. Ю. Лермонтова изучен довольно полно, этой теме посвящено значительное количество обстоятельных исследований. Советские ученые, пользуясь марксистско-ленинской методологией изучения творческого наследия поэта, в противоположность буржуазным исследователям убедительно раскрыли прогрессивное мировоззрение поэта. Тягу М. Ю. Лермонтова к народной поэзии советские ученые объяснили не биографическими данными, не влиянием на него в детстве среды, как утверждали старые литературоведы, а характером общественной позиции поэта, его глубоким сочувствием идеям декабристов.

Результаты изучения фольклоризма произведений М. Ю. Лермонтова изложены в статье известного советского литературоведа и фольклориста М. К. Азадовского¹. В статье показывается, как глубоко поэт понимал народную поэзию, как высоко ценил арсенал народных поэтических средств. Гениальный поэт взял все лучшее, что хранил в своей памяти народ, обогатил это своим поэтическим талантом и снова вернул народу. Этим объясняется тот факт, что многие его стихи прочно вошли в репертуар народных песен и получили повсеместное распространение.

В нашей литературе очень хорошо известно, какие стихи поэта превратились в народные и стали подлинно народными произведениями. Это прежде всего «Два великана», «Парус», «Тростник», «Бородино», «Узник», «Соседка», «Казачья колыбельная песня», «Воздушный корабль», «Сон», «Тамара», «Выхожу один я на дорогу», «Ветка Палестины» и другие. Популярность данных произведений не случайна: они отражали думы и чаяния народа, воспевали жизнь, воздавали хвалу светлomu чувству людей, мечтавших

Записано от бывшего рабочего Витимской тайги Василия Логантьевича Козлова, 81 года, неграмотного, в селе Большой Куналей Тарбагатайского аймака Бурятской АССР в 1946 году.

¹ См.: М. К. Азадовский. Фольклоризм Лермонтова. Статьи о литературе. М.—Л., Гослитиздат, стр. 212—259.

о любви и счастье. Язык произведений и их напевы были доступны простым людям, легко запоминались, поэтому народ и брал их на свое духовное вооружение. Но этим далеко не исчерпывается значение поэтического наследия великого поэта.

Песни М. Ю. Лермонтова сыграли большую роль в развитии устного народного поэтического творчества, послужили основой для создания целого ряда новых песен. Многие стихи поэта, ставшие песнями, в конкретных социально-исторических условиях вызвали к жизни немалое количество подражаний, переделок, обработок и совершенно новых текстов. Во всем этом многостороннем и сложном процессе фольклоризации поэтического наследия М. Ю. Лермонтова наша фольклористика еще не разобралась, до сих пор основное внимание она уделяла только фольклоризму произведений поэта. Такое одностороннее изучение поэтического наследия М. Ю. Лермонтова привело к тому, что недостаточно полно оценено значение его произведений в жизни самых широких слоев населения.

Стихи М. Ю. Лермонтова — это высшее достижение поэтического мастерства. Некоторые из них, став песнями, заняли почетное место в общей песенной культуре русского народа. Наиболее популярные играли большую роль в его духовной жизни и в борьбе за счастье. Многие стихотворения М. Ю. Лермонтова подверглись различным формам фольклоризации, что диктовалось необходимостью отражений конкретных событий и фактов в определенный период жизни народа. Приспосабливая без особого труда уже известную песню к новым нуждам, народные поэты и певцы создавали варианты ее или совершенно новые тексты, отвечающие запросам носителей фольклора в данный период.

Песни на стихи М. Ю. Лермонтова в условиях Сибири использовались носителями фольклора в различных формах. Больше всего бытовали тексты с незначительными изменениями отдельных строк и заменой слов. По существу это не изменяло идейного содержания авторского текста, не влияло на его художественные достоинства. Коренные же переделки выражались в замене целых строф авторского текста новыми, изменялось и идейное содержание произведений. Обычно к таким текстам добавлялись новые строки и строфы, которые призваны были наиболее рельефно отражать новые мысли, чувства и веяния.

Песни с новыми текстами во многом напоминали свой прототип, но их содержание отражало идеи определенной группы людей, в большинстве случаев той части народа, которая ненавидела буржуазно-помещичий строй, искала пути освобождения от тяжелого социального гнета. По своим художественным достоинствам переделки и подражания, несомненно, уступали стихам великого поэта, но тем не менее они имели право на жизнь, так как отвечали духовным запросам трудового народа.

В старое время Сибирь была местом каторги и ссылки. Здесь отбывали наказания представители многих поколений, различных социальных слоев и групп. Каторга и ссылка наложили заметный

отпечаток на весь сибирский фольклор, повлияли на его идейное и художественное содержание. Ссылка сыграла огромную роль в распространении среди крестьянской массы поэзии, полной протеста против самодержавия. Значительное место в этой поэзии занимали новые варианты и переделки произведений классиков русской литературы, в том числе М. Ю. Лермонтова. По свидетельству глубоких стариков — старожилов Сибири, еще во времена отмены крепостного права бытовали песни, отражающие тяжелое положение крестьян и тех, кто попадал в деревню на поселение под надзор полиции.

Одна из таких песен — «Спи, мужик, не просыпайся», составленная на известный мотив «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова (1840), широко бытовала в 60—80-х годах XIX века в некоторых районах Восточной и Западной Сибири. В новом варианте сохранено из оригинала лишь несколько строк в начале и в середине песни, остальные составлены заново. Один из распространенных вариантов, популярный среди енисейских и ангарских крестьян, а позже получивший известность в Забайкалье, содержит лишь пять четырехстрочных строф вместо шести восьмистрочных строф оригинала. Сибирский вариант по содержанию не связан со своим прототипом. В новом тексте поется о тяжелой жизни крестьян, находящихся в полной зависимости от барина, под которым подразумевается не только помещик, но и вообще владелец больших материальных средств — эксплуататор, угнетатель. Этот и другие варианты, безусловно, возникли в Сибири, так как в них чувствуется специфический сибирский колорит поэтических средств.

В варианте «Спи, мужик, не просыпайся» хорошо показано отношение крестьян к существующему строю. В начале песни следующие слова:

Спи, мужик, не просыпайся,
Баюшки-баю,
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
За окном стоит твой барин,
Песенки поет,
Что живешь ты, словно в сказке,
Как в раю цветешь.

В последующих двух строфах раскрывается подлинный смысл начала песни, описывается жизнь крестьян, находящихся под властью имущих:

Но проснулся не от песни
Бедный мужичок,
То по шее барин съездил,
Ткнул ногой в бочок.
Сколько горьких слез украдкой
Дома, в поле льют!
Сколько вдов, сирот-бедняжек
С голодухи мрут!

Песня заканчивается словами, выражающими надежду на светлое будущее:

Солнце светит над землею,
Лес, тайга шумит,
В поле травка зеленеет,
Гром в горах гремит¹.

Как для этого, так и для других подобных вариантов характерно постепенное отступление от оригинала переделки. В начале вариант по своей форме близок к прототипу, но с каждой новой строфой он все больше отходит от него как по форме, так и по содержанию.

Один из носителей приведенного текста, большой знаток родного края и прекрасный исполнитель старинных песен Н. С. Протопопов в 1935 году рассказывал группе литераторов о том, что в старое время за пение песни «Спи, мужик, не просыпайся» можно было угодить в тюрьму, и все же ее пели. Эту песню он впервые услышал, когда ему было 15—16 лет, то есть в конце 50—60-х годов прошлого века. Н. С. Протопопов поведал: «Здесь жил такой мужик, Елизар Моисеев, по прозвищу Елизарка-столяр; так он все песни знал, от него вся деревня песни перенимала. Вот от него, говорили старики, и та песня пошла»².

Не во всех селах приленского края бытовал одинаковый текст переделки «Казачьей колыбельной песни». Встречаются варианты, в которых «мужик» заменен «бедняком», «месяц ясный» — «грозной тучей», и тогда уже в третьей строке пелось о том, как «тускло смотрят грозны тучи». Понятие «колыбель» в некоторых вариантах уточнялось, чаще пелось о «ветхой избе». Иногда вносились самые неожиданные сравнения, нередко вставлялись слова, которые наиболее метко отражали суть явления, наиболее выразительно бичевались пороки.

В одном из вариантов «Казачьей колыбельной песни» имеется, например, четверостишие, отсутствующее в других текстах:

¹ Записано от группы крестьян: Николая Сидоровича Протопопова, 1842 года рождения, неграмотного, участника русско-турецкой войны 1877—1878 годов, Степана Афанасьевича Егорова, 1853 года рождения, малограмотного, Василия Васильевича Нестерова, 1856 года рождения, неграмотного, Власа Панфиловича Ерженина, 1839 года рождения, неграмотного, его жены Зинаиды Захаровны, 1857 года рождения, неграмотной, в селе Качуге Иркутской области в 1935 году. Запись хранится в фольклорном архиве фольклорной секции Иркутского Государственного научного музея, тетрадь «Ленские песни», стр. 81.

² Записи от Н. С. Протопопова производились неоднократно А. В. Гуревичем и автором данных строк. Материалы хранятся у собирателей. Следует заметить, что Н. С. Протопопов очень любил поэтические произведения М. Ю. Лермонтова. В 1935 году ему исполнилось 93 года, но он великолепно пел, часами пересказывал стихотворения М. Ю. Лермонтова, как «Люблю я цепи синих гор», «Бородино», «Новгород», «Тростник», «Дума» и многие другие. Певец знал наизусть почти полностью поэмы «Мцыри» и «Демон». Многие стихи М. Ю. Лермонтова Н. С. Протопопов заучил в детстве, так как дом его отца на протяжении многих лет был своеобразным клубом, куда собирались соседи и «пришлые» — ссыльные, которые устраивали литературные вечера. С десятилетнего возраста певец хранил семейную реликвию — портретик, как он утверждает, М. Ю. Лермонтова, хотя время стерло с бумаги черты поэта.

Бедняку не спится ночью:
Летом дождь в избе,
А зимою дует в щели,
Вся семья в нужде¹.

Чаще всего оно следует после первой строфы.

В приленском крае бытовал также вариант, который почти дословно совпадает с приведенным выше текстом, за исключением последней строфы, замененной двумя новыми строками. Песня заканчивается строками:

Спи, бедняк, не просыпайся,
Баюшки-баю,
И когда проснешься утром,
Вспомни мать свою.
Она растила, говорила:
«Станешь молодцом!»
Не напрасно слезы лили
Мать с родным отцом².

Можно предполагать, что все эти варианты пелись как в дореформенный, так и послереформенный период. Трудно теперь говорить, какой из них пользовался большей популярностью, но ясно одно: переделка «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова была хорошо известна населению, жившему по реке Лене. Следует отметить, что она подверглась переделке вскоре после появления в свет. Этому немало способствовала известность в Сибири стихов и песен на стихи М. Ю. Лермонтова, его книг. Последние имелись не только в общественных библиотеках, но и у местной интеллигенции и сельских грамотеев. Об этом говорят многие исторические документы и списки литературы старых сибирских общественных и личных библиотек.

Приведенные выше варианты в основном бытовали у крестьян Восточной Сибири. Возможно, они распевались и в деревнях по Иртышу и Оби, но сведениями об этом мы не располагаем. Мы только знаем, что в Западной Сибири был известен текст переделки «Казачьей колыбельной песни», появившийся после отмены крепостного права. В этом варианте, известном под названием «Колыбельная мужика», крестьяне призываются к борьбе с оружием в руках против самодержавия, резко критикуется мнимая свобода, дарованная монархом. По всей вероятности, дошедший до нас текст является последней по времени переделкой, вобравшей в себя и события начала XX века. Пер-

¹ Из варианта, записанного от Алексея Николаевича Лукина, 1869 года рождения, неграмотного, в селе Казарках Усть-Кутского района Иркутской области в 1936 году. Запись хранится в фольклорных материалах Иркутского государственного музея, тетрадь «Казарки и ее певцы», стр. 11.

² Из варианта, записанного от Иннокентия Спиридоновича Богданова, 1871 года рождения, неграмотного, в селе Жигалово Иркутской области в 1935 году. Текст хранится в материалах А. В. Гуревича. Исполнитель этого варианта рассказал, что песня пользовалась особой известностью среди солдат во время русско-японской войны 1904—1905 годов. На этот мотив исполнялся и другой текст, в котором высмеивались незадачливые царские военачальники.

вый куплет «Колыбельной мужика» на первый взгляд ничем не отличается от зачинов уже знакомых нам вариантов. На самом деле в нем чувствуется иронический смысл, который в последующих строфах переходит в сарказм. Приведем первые три куплета, характеризующие результаты так называемой свободы 1861 года:

Спи, мужичок мой распрекрасный,
Баюшки-баю,
Тихо смотрит месяц ясный
В хату бедную твою.
Появились новы сказки,
Песенки поют,
Что свободный мужичонка
Рай дождался наяву:
От земли освободили,
Баюшки-баю.
Всех крестьян закабалили,
Все семьи в долгу.

Дальше начинается развязка сюжета песни, в которой раскрывается подлинный смысл текста в целом. Здесь и угроза буржуазно-помещичьему строю, и вера в силы народа, и призыв к угнетенным братья за оружие и идти на поле брани для борьбы со своими извечными врагами — эксплуататорами:

Но мужик скоро проснется,
Будет бранное житье,
И в свои тяжелы руки
Он возьмет ружье.
Мужичок ведь старый воин,
Закален в бою,
Пропоеет он панихиду
Барину в гробу.
Ты готовься в бой опасный,
Помни мать, отца
И не дремли понапрасно
Дома у светца¹.

В прошлом веке этот вариант активно бытовал среди крестьян, проживавших в пределах нынешней Омской области.

В несколько измененном виде он был широко известен в некоторых районах нынешней Новосибирской области. В нем пелось о том, как русский мужик, проснувшись после «царского освобождения», захотел навсегда «распроститься» с престолом и его хозяином. Чтобы осуществить свою мечту, мужик взял кол и пошел против солдата с винтовкой. В неравной схватке мужик оказался побежденным. Тогда он понял, что бороться

¹ Записано от Тихона Семеновича Тулякова, 1863 года рождения, неграмотного, в селе Муромцево Муромцевского района Омской области. Т. С. Туляков свидетельствует, что данную песню впервые от него записал ссыльный А. А. Макаренко, но запись была отобрана у него во время обыска. «Я был в гостях на Енисее, — говорил Т. С. Туляков, — и там встретился с Макаренко. Он у меня многое кое-что записал. Но как узнал я, что у него мои песни отобрали, с тех пор до последних лет я их не пел, людей подвести боялся, да и самого наказать могли. За такие песни по голове не гладили».

нужно с оружием в руках. Песня как бы делится на две половины. В первой из них поется о неудачном столкновении мужика с солдатом и о причинах конфликта:

Спи, мужичок мой прекрасный,	Распроститься мне б с престолом,
Баюшки-баю,	Баюшки-баю,
За тебя хлопчет барин,	А хозяина престола
День и ночь в поту.	На упокой-баю.
«Мне не надо той заботы,—	Мужичок взялся за коллик,
Мужик говорит,—	На солдата впрямь,
От земли освободили,	А тот его прикладом разик
Пусть барин молчит.	Прямо наповал.

Во второй части песни уже говорится о том, что мужик стал более разумно готовиться к схватке с ненавистным ему строем, который защищает царский солдат. В данном варианте используется традиционный народно-поэтический прием, выражающийся в повторении первой строфы в конце песни. Но повторение это не механическое, строфе придается прямо противоположное содержание. В начале песни высмеиваются мнимые заботы господствующего класса о бедных крестьянах, заканчивается же текст словами надежды на скорую свободу, ради которой поколения людей отдадут свои силы и жизнь:

Вот проснулся мужичонка
От боли в боках,
Стал подумывать тихонько
О ружьишке так:
«Смастерю ружьишко сам,
Баюшки-баю,
И на барина я гряну,
Только время дай.
Спи, сынок мой прекрасный,
Баюшки-баю,
За тебя отец хлопчет
День и ночь в поту»¹.

Переделки и подражания «Казачьей колыбельной песни» играли большую роль в пропаганде передовых идей среди широких слоев трудящихся масс. Например, проникновение этой песни в среду староверов принесло много хлопот их духовным отцам. Последние не могли заставить своих прихожан перестать петь песню и попытались отлучить от своих религиозных толков несколько наиболее ретивых песельников из бывших солдат. Тогда в семейских деревнях появилась песенка, направленная против уставщиков и начетчиков:

Спи, уставщик, спи, начетчик,	Коли лихо вам от песен,
Баюшки-вдвоем,	Тошнота берет,
Вы не бойтесь песен наших,	Пойте себе панихиду,
Не для вас поем.	Может, все пройдет.

¹ Записано от Левонтия Григорьевича Скорлякова, 1872 года рождения, малограмотного, в селе Кочки Кочковского района Новосибирской области в 1939 году.

Понапрасну вы скулите,
Грех солдат ругать,
Сами бога вы хулите,
Он может наказать.
Спи, уставщик, спи, начетчик,
А мы будем петь,
Непристойно нам, солдатам,
Зло от вас терпеть.

По камням струятся воды,
Плещет мутный вал,
Наш уставщик скалит зубы,
Будто злой шакал.
Ты, солдат, готовься к бою
Против темных сил,
Про тебя споются песни,
Что не даром жил¹.

Эту песенку сочинил крестьянин из села Окино-Ключи Захар Свиридов, бывший солдат и любитель песен. Нашлись грамотеи, которые переписали песенку, размножили и расклеили по заборам. Потом уставщики всех толков собрались и долго говорили об организации борьбы против «заразных песен»².

Осведомитель Д. П. Бельский неоднократно рассказывал историю песни и о ее авторе. З. Свиридов хорошо знал поэтическое наследие М. Ю. Лермонтова и читал его произведения своим односельчанам, сослуживцам на фронте в окопах. Д. П. Бельский свидетельствует, что приведенный им вариант пользовался большой популярностью в первом партизанском отряде Мухоршибири, которым он командовал во время гражданской войны в Забайкалье. Бытовал он и среди бойцов Первой народно-революционной армии Дальнего Востока³. Поскольку борьба с реакционными уставщиками и начетчиками продолжалась и в первые годы Советской власти, то песенка «Спи, уставщик» активно входила в репертуар вплоть до 30-х годов. Главный уставщик белокрыницкого толка в Забайкалье Афанасьев писал хонхолойскому начетчику Павлову: «А может, песенка «Спи, уставщик» у вас найдется, то пошлите мне ее полностью и сказать надо всем, что она не от добрых людей исходит и людям неужгодна»⁴. Через год, то есть в 1928 году, Афанасьев напоминает своим подвластным уставщикам и начетчикам, что следует усилить борьбу с теми, кто подрывает авторитет сельского старообрядческого духовенства.

Произведения М. Ю. Лермонтова были широко распространены в бывшем центре царской каторги и ссылки — Нерчинском горном округе. Вплоть до последнего времени старожилы Нерчинского Завода, Акатуя, Горного Зерентуя, Александровского Завода и многих других когда-то каторжных мест, вспоминая старый песенный репертуар, называют немало песен на стихи М. Ю. Лермонтова. К сожалению, в Восточном Забайкалье материал, характеризующий фольклоризацию произведений

¹ Записано от Д. П. Бельского, 1872 года рождения, грамотного, в селе Мухоршибири Бурятской АССР в 1946 году. Он сказал, что у песни было еще несколько куплетов, но он их не помнит. Заканчивалась песня словами: «за упокой душ темных — уставщиков и начетчиков».

² Из воспоминаний Д. П. Бельского, записанных в 1946—1959 годах.

³ Подобный текст был записан от бывших бойцов Народно-революционной армии Дальнего Востока И. А. Зайцева, К. В. Асева, Н. К. Скуратова в поселке Борзя Читинской области в 1939 году.

⁴ Переписка Афанасьева частично хранится в библиотеке Бурятского филиала СО АН СССР. Много писем Афанасьева хранят бывшие уставщики.

классиков русской литературы, систематически не собирався. Старожилы же до сих пор рассказывают о переделке поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» во второй половине XIX или в начале XX века, в которой разоблачался каторжный режим, созданный царизмом для усмирения непокорных людей.

Попасть на рудники и шахты Нерчинского округа было равносильно страшной медленной казни, потому что здесь тогда все находилось в руках царских чиновников, имевших в своем распоряжении огромную армию палачей, которых называли черными дьяволами. Лермонтовский «Демон», неизвестно кем переделанный, насыщенный местным колоритом, долго не сходил со «сцен» тюремных подмоств. Новый «Демон» жил тайно, и администрация каторги не могла уничтожить ни рукописей переделки, ни того духа свободолюбия, который помогал распространять свои произведения по всем уголкам необъятной Российской империи гениальный русский поэт М. Ю. Лермонтов.

Полный текст переделки «Демона» нами не обнаружен ни в государственных, ни в личных архивах. Отдельные отрывки его до сих пор помнят бывшие узники Кадаи. В 1939 году от 83-летнего Николая Матвеевича Елагина, отбывшего 20-летнюю каторгу и получившего вольное поселение в 1901 году, записано несколько десятков строк, дающих некоторое представление о характере переделки «Демона». В памяти Елагина сохранилась переработка пятой главы из первой части поэмы.

Текст М. Ю. Лермонтова

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Раба послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой,
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Текст переделки

Высокий дом, широкий двор
Злодей из камня нам построил...
Трудов и слез он много стоил,
Стоит он здесь с петровских пор.
С утра на скалы гор соседних,
На камни стен ложатся тени.
По штольне каторжной идет,
Покрытый грязью и водой,
Он доживает здесь свой век,
Проклятый богом человек:
Чухотка мучает его,
И кашель до смерти трясет.
Когда же смерти его возьмет?

Подобной переработке подверглась II глава первой части. Н. М. Елагин сказал, что этот отрывок был длинным, но он помнит только следующие строки:

Давно тут каторжный блуждал,
По штольням темным подземелья,
Здесь не приюта он искал
И не минуты вдохновенья.
Часами думал тяжко он:
Кто же властвует землей?
Кто сеет зло и муки ада?

Кому почет, кому награда?
Кто ждет судьбы лишь роковой?
Ничтожный властвует землей,
Он сеет зло и муки,
Он не встречал сопротивления,
Ему неведомы гоненья,
Он сам лишь презирает всех.

Третий отрывок, который сообщил Н. М. Елагин, является переделкой некоторых строф второй части «Демона», входящих в

XVI главу. Данным отрывком и еще несколькими куплетами, свидетельствовал Н. М. Елагин, заканчивалось все «представление, складное, которое слушалось каторжными целыми ночами и за которое они получили не одну сотню горяченьких плеток. Жалко, что последних слов не помню, а вот эти остались:

Исчезни, мрачный дух гоненья,
Довольно ты торжествовал,
И час суда теперь настал,
Дни испытания проходят,
Оковы зла скоро спадут.
Мы знаем и это время ждем.
Невыносимые мученья
Скоро канут в вечну мглу,
Лукавых деспотов, жестоких
На испытание пошлем,
Пусть пострадают в подземелье.
Как мы страдали много лет»¹.

О бытовании переделок «Демона» вспоминает другой бывший каторжанин Василий Иванович Лошкарев, отработавший на Газимурском заводе около десяти лет, а перед этим больше пяти лет пробывший в каменном мешке Акатуевского острога. В. И. Лошкарев рассказал: «Я родился за два года до того, как царь всем «свободу» дал. А через шесть лет за такую свободу отец мой на каторгу попал. Пришел он с далекой каторги, когда мне двадцать лет минуло. Прожил он дома недолго, и богатый сосед его снова в Сибирь упрятал. Но на этот раз отец не вернулся, где-то положил свои кости на Аргуни. Двадцати трех лет я сам на каторгу попал за то, что спалил дотла того богатого соседа. Дело-то творили несколько человек, да пришлось всю вину на себя брать. Погнали меня пешочком из Курской губернии в 1882 году. В Александровский завод пришел в 1884 году, вскоре меня в Кадаю перевели, там мне пришлось горе мыкать, да недолго. Все это были цветочки, ягодки-то я отведал в Акатуе и на Газимурском заводе. Тут меня опять судили и несколько годочков прибрали за то, что ломиком одного тюремного чиновника по спине хватил. Вот в этих забайкальских острогах я и слышал песню «Недалеко-то от Аргуни». Сначала ее пели только каторжники, а потом начали распевать и вольные. Да кто только тут ее ни пел, все ее знали. Да были люди, которые по-разному ее пели, а я так пою.

Недалеко-то от Аргуни меж горами
Бараки мрачные тюрьмы
Своими темными делами
На смерть многих обрекли.
Когда ложится ночь на горы,
В бараках темных не темней.
К чему раздоры, слезы, споры,
Когда мы жить должны дружной.
Мы не безмолвные творенья,
Куда ни взглянь — везде гоненья.

Коварный демон над землей
Пока летает над страной,
Не даст ни жизни, ни покоя:
Он жаждет смерти, жертвы ждет,
Чужих сердец ему не жаль,
Его не мучает печаль.
Но знает он свои грехи,
Душа его теперь больна,
Она получит все сполна,

¹ Кадаю, Калагинского района Читинской области. Записи от Н. Т. Елагина хранятся у автора настоящей работы.

На свете том грехов не спросят,
Как только с трона его сбросят»¹.

Песня эта отражала настроение людей, отбывавших каторгу, но в ней использованы поэтические мотивы, навеянные строками из III главы второй части «Демона», которая начинается словами «В прохладе меж двумя холмами».

Таким образом, в процессе переделки строфы лиро-эпической поэмы «Демон» были использованы как форма, которая в конкретных социально-исторических условиях насыщалась новым содержанием.

Основное значение переделок поэмы «Демон» заключается в том, что они не лежали мертвым материалом в тетрадах на чьих-то запыленных полках, не возникали ради потехи, не служили альбомными забавами. Приведенные переработки выстраданы, созданы как средство борьбы с самодержавием, как духовное средство, способное поддерживать бодрый дух угнетенных людей. Народ ценил этот вид поэзии, поэтому и создавал ее.

В подтверждение сказанного можно привести немало примеров. Так, стихотворение М. Ю. Лермонтова, начинающееся словами «На серебряные шпоры» (1833—1834) и во многом аллегорическое, в переделке приобрело конкретное содержание. Форма и идеи указанного стихотворения М. Ю. Лермонтова были использованы народными певцами, очевидно, после жестокого подавления участников революции 1905 года. Авторский текст, например, третьей строфы перенесен в новые варианты без изменения, остальные же строфы заменены или изменены в совершенно новом плане. Кроме того, стихотворение поэта состоит из четырех четырехстрочных строф, народный вариант — из шести. Насколько переделка приобрела новое идейное содержание, показывает сравнение двух текстов:

Текст М. Ю. Лермонтова	Народный вариант
На серебряные шпоры Я в раздумии гляжу: За тебя, скакун мой скорый, За бока твои дрожу.	На серебряные горы Я в раздумии гляжу; На тебя, мужик несчастный, С грустным видом я смотрю.
Наши предки их не знали И, гарцуя средь степей, Толстой плеткой погоняли Недоезжих коней.	Твои предки муки знали, На собак тогда меняли, Толстой плеткой погоняли, За людей их не считали.
Но с успехом просвещения Вместо грубой старинны Введены изобретенья Чужеземной стороны;	Но с успехом просвещения Вместо грубой старинны Введены изобретения Чужеземной стороны.
В наше время кормят, холют, Берегут спинную часть... Прежде били — нынче колют! Что же выгодней? — бог весть!..	Соки жмут из мужика Не плетями, батогами, А налогом, рекрутами, Хоть умри, а все отдай.

¹ Текст записан от Василия Ивановича Лошкарева.

Никого теперь не холют,
Прежде били — нынче колют,
Ренненкампф, господска тварь;
Его послал в Сибирь сам царь.

На серебряные горы
Я в раздумии гляжу,
Скинет люд мученье, горе,
Разогнет свою спину»¹.

Эта переделка интересна еще и тем, что в ней сочетается сатира на самодержавие, которое якобы заменило в XX веке плетью и палку на более совершенную форму угнетения — обирание трудящихся масс путем налогов и ведения войн в интересах капиталистов, с декларативной, политической поэзией, осуждающей вооруженную расправу над участниками революции, выражающей уверенность в уничтожении всех форм эксплуатации человека труда.

Участники революции 1905 года указывают, что данная песня бытовала среди крестьян в Канском и Красноярском уездах, была популярна у передовых рабочих железнодорожного транспорта. «Песню «На серебряные горы» мы пели сразу же после того, как Ренненкампф расправился с рабочими Верхнеудинска, Красноярска, Нижнеудинска и других городов Сибири, — рассказывал активный деятель первой русской революции, бывший слесарь железнодорожных мастерских станции Тайшет Алексей Николаевич Яковлев. — Откуда попала эта песня к нам, пожалуй, теперь никто не скажет, но пели ее многие, и сам я ее очень любил, да жалко только, что всю не запомнил. Однажды был такой случай: спели мы последние слова песни, в которых говорится, что скоро трудовой народ разогнет свою спину, и сразу к нам в слесарню заскочил старший мастер и закричал: «Волю захотели! Так получите, только на том свете». Не прошло и полчаса, как в цех пришел жандарм, и потом нас держали поодиночке на допросе до поздней ночи. Вот какие были дни в 1905 г. Да и позже, вплоть до Октября, за вольные слова не только грозились, а и в тюрьму садили»².

Некоторые носители песен говорят, что этот вариант исполнялся по-разному: иногда менялось начало, иногда сочинялся новый вариант, но никто из встреченных нами певцов не мог вспомнить такие куплеты³. Только в селе Киране Кяхтинского аймака Бурятской АССР совсем недавно случайно удалось за-

¹ Записано от участника революции 1905 года в Восточной Сибири Василия Тихоновича Егорова, 1871 года рождения, в городе Иланском Красноярского края в 1939 году. Впервые данную песню записал А. В. Гуревич в 1928 году. Мы привели более полный текст, восстановленный В. Т. Егоровым по записям, которые он вел в начале XX века. Исполнитель долгое время служил в царской армии, большую часть службы провел в музыкальной команде, играя в духовом оркестре. В. Т. Егоров — хороший исполнитель народных песен.

² Записано в городе Канске в 1938 году. Революционные песни записывались от А. Н. Яковлева несколько раз участниками фольклорных экспедиций Общества изучения Восточной Сибири. Материалы хранятся в материалах этого бывшего общества.

³ Сведения получены от бывших участников событий 1905 года В. В. Кузнецова в городе Иркутске и З. К. Филиппова в городе Тулуне.

писать ранее неизвестный нам вариант этой песни, в котором первые четыре строфы приведенного выше текста заменены двумя следующими строфами:

На серебряные горы
Смотрим мы издалека.
Ты терпи, мужик несчастный,
Пока земля не твоя.
Отвоюет Закамельский,
Разогнем спины свои
И с успехом просвещения
Грянем против старины¹.

В этих переделках, как и во многих других песнях, народ выражает свою ненависть к царским генералам Меллер-Закамельскому и Ренненкампу, посланным в Сибирь на подавление революционного движения сибирского пролетариата и крестьянства. Об этом более подробно сказано ниже, здесь же мы считаем уместным указать на то, что в приспособленных на новый лад песнях М. Ю. Лермонтова революция 1905 года нашла свое широкое отражение.

Среди рабочих Черемховского угольного бассейна бытовал свой вариант песни, известный под названием «На заснеженные горы я в раздумии гляжу». По существу данный вариант отражает жизнь рабочих золотого промысла, возможно, он там и возник, но затем вышел на широкие сибирские просторы и привился у черемховских рабочих. Приводим наиболее распространенный текст:

На заснеженные горы
Я в раздумии гляжу,
С твоих круч, мой, друг любезный,
Ветра вольного я жду.
Наши предки то не знали,
Что тайга таит в себе,
А теперь здесь раскопали
И прибрали все к руке.

Просвещение нас коснулось:
Вместо грубой старины
Введены изобретенья —
Драги лязгают с весны.
Здесь, в тайге, людей не холют,
Не берегут людскую честь,
Прежде били — нынче колют.
Что же лучше? — Бог весть!²

Здесь, как видим, содержание переделки имеет совершенно иной смысл, чем стихотворение М. Ю. Лермонтова, хотя в ней сохранены без изменения многие строки авторского текста. Приспособив песню к отражению условий борьбы с классовыми врагами, народные певцы и поэты прежде всего заботились не о форме и поэтических достоинствах новых произведений, а об их идейно-воспитательной роли, о той помощи, какую они могли оказать развитию революционного сознания трудового народа.

¹ Записано от Николая Михайловича Попова, 1879 года рождения, грамотного, в Черемхово в 1959 году. Н. М. Попов был участником русско-японской войны, активно занимался революционной агитацией среди солдат во время первой мировой войны. После возвращения домой долгое время находился в рядах партизан, боролся против белогвардейцев и интервентов.

² Записано от бывшего шахтера Черемховского угольного бассейна Елизара Алексеевича Щукина, 1880 года рождения, малограмотного, в городе Зиме в 1936 году.

Нередко стихи поэтов, написанные давно и совсем по другому поводу, звучат почти без переделки так, словно они посвящены событию, которое произошло сегодня или вчера. Так звучало стихотворение М. Ю. Лермонтова «Умиравший гладиатор» во время похорон революционеров Костюшко-Григоревича, Цупсмана, Ванштейна и Столярова, расстрелянных 2 марта 1906 года в Чите по приговору палача-генерала Ренненкампа. Перед собравшимся на похороны народом выступил не обычный оратор, а декламатор, прочитавший стихотворение. «Это было стихотворение М. Ю. Лермонтова «Умиравший гладиатор». Первую строку, помню, декламатор прочитал так: «Ликуют палачи торжественно и громко» вместо «Ликует буйный Рим». Встречались и другие замененные строки, но точно я их теперь повторить не могу, — свидетельствует бывший учитель Читинского реального училища Яков Григорьевич Бронштейн, присутствовавший в то время на похоронах. — Только хорошо знаю, что большая часть людей, которые стояли у могилы жертв реакции, думали, что данное стихотворение сочинил какой-то здешний поэт, посвятив его казненным товарищам. Когда декламатор закончил, то у людей было такое настроение, что они готовы были взяться за оружие и идти в открытый бой с самодержавием¹.

О впечатлении, которое произвело стихотворение «Умиравший гладиатор» на участников похорон, рассказал и Ващенко — бывший заведующий складами известного миллионера-купца Второва: «После того как стихотворение прослушали, все закричали: «Долой кровопийцев!», «Смерть палачам!». Тогда мы, работники Второва, поняли, что надо перед своими людьми не только речи говорить, но и такие стихи рассказывать, как «Умиравший гладиатор», они в душу лучше и глубже проникают².

Авторам переделок, народным сказителям и певцам надо было хорошо знать не только интересы и вкусы людей, для которых они сочиняли новые варианты песен, но и прекрасно ориентироваться в огромной массе произведений классиков русской поэзии. Выбор нужного прототипа в какой-то степени предопределял успех нового варианта, отражающего события, которыми жили люди, нуждавшиеся в новых песнях. По этому поводу нам рассказывал любопытную историю бывший каторжанин Горно-Зерентуйской тюрьмы Владимир Осипович Халю-

¹ Запись произведена в 1939 году в г. Чите. Я. Г. Бронштейн вел дневник событий 1905 года. В этом дневнике имеется несколько песен, которые бытовали среди читинских рабочих в период революционного подъема. Эти песни снабжены подробными комментариями о времени и месте их исполнения. В этой же тетради содержатся сведения о некоторых творцах новых песен и особенно подробные — о певцах. В частности, он рассказал о неповторимом пении рабочего Владимира Носова, который нередко выступал среди рабочих читинских кустарных мастерских.

² Записано от Н. Х. Ващенко, в прошлом активного агитатора революционных идей среди торговых служащих Читы, в городе Сретенске Читинской области в 1940 году.

ный. Он родился в 1857 году. Когда ему исполнилось 10 лет, вся семья переехала из Воронежской губернии в Тамбовскую. Здесь в первый же год умер отец, а вскоре умерла и мать. Юноша был вынужден наняться работником в чужой дом. Около 15 лет он работал у коннозаводчика. 26-ти лет В. А. Халюный попал на каторгу за то, что не смог снести обиду, нанесенную ему хозяином, и в порыве гнева покалечил его.

В. О. Халюный пробыл на каторге 34 года (с 1883 по 1917). В 1885 году, рассказывает В. О. Халюный, он работал в артели каторжников. Один заключенный сказал, что было бы хорошо, если бы арестанты имели свою молитву, с которой легче было бы переносить тяготы тюремной жизни. За эту мысль сразу же ухватился самый молодой каторжанин, разжалованный офицер. Через день он спел «Молитву арестанта», а через несколько дней ее стали петь заключенные почти во всех камерах Горно-Зерентуйской тюрьмы. Никто из них, за исключением автора, не подозревал, что «Молитва арестанта» является переделкой стихотворения М. Ю. Лермонтова «Юнкерская молитва» (1833—1834), написанная поэтом за 50 лет до появления нового варианта.

«Юнкерская молитва»
М. Ю. Лермонтова

Царь небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алексин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешение
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

«Молитва арестанта»,
переделка 1885 года

Боже небесный!
Спаси меня
От клетки тесной,
Как от огня.
От карцера
Меня избавь,
На стойку
Меня не ставь.
Пускай в тюрьме
Жандарма глаз
Как можно реже
Видит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
Чтоб в воскресенье
Дали разрешение
Увидеть мать.
Я, мой всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем¹.

Несколько лет спустя на этот же мотив появился еще один вариант «Молитвы», которую вначале распевали рабочие железнодорожных мастерских станции Тайшет Восточно-Сибирской железной дороги. История этого варианта, как рассказывают

¹ Записано от В. О. Халюного в 1940 году в селе Нижняя Кара Карского района Читинской области. В. О. Халюный — один из крупных знатоков песен тюрьмы и каторги, бытовавших в старое время. Впервые от него производили записи в 20-х годах студенты Иркутского университета, но до сих пор эти записи обнаружить не удалось. Кроме песен, сказитель знал много других фольклорных материалов о тюрьме и каторге.

ветераны-железнодорожники, такова: в период подъема революционного движения рабочие на своих собраниях, особенно на маевках, стали распевать песни, в которых прямо говорилось о необходимости свержения царя и уничтожения всего буржуазно-помещичьего строя. В 1912 году появилась песня под названием «Молитва к всевышнему». Данную песню сочинили ссыльные Влас Сорокин и Тихон Смородинов — друзья детства, родом из Белоруссии, отбывшие каторгу в Нерчинских рудниках и получившие разрешение на вольное поселение в Енисейской губернии. В Тайшете они жили несколько лет, работали слесарями в железнодорожной мастерской, имели и собственную небольшую слесарню по ремонту домашнего инвентаря.

В. Сорокин и Т. Смородинов принимали деятельное участие в рабочем движении, выступали на митингах и собраниях, были инициаторами организации бесед с населением, поддерживали связь с рабочими соседних станций и сибирских городов. Под видом увеселительных вечеринок они часто проводили беседы с рабочими, рассказывая о революционном движении в России, излагая содержание передовых статей из большевистской периодической печати. Кроме того, друзья, обладавшие хорошими голосами, пели как старые всем известные песни, так и новые. На беседы собиралось иногда несколько десятков человек. На одной из таких встреч в 1912 году В. Сорокин и Т. Смородинов спели «Молитву к всевышнему», ставшую впоследствии любимой песней многих сибиряков. Еще в 30-х годах распевался следующий текст этой песни:

Всевышняя сила,
Молю тебя —
От жандармов
Укрой меня.
Не дай погибнуть
От палача,
От плетки жестокой
Избавь меня.
К стенке не ставь,
От кандалов избавь,
Пусть жандарма
Острый глаз
Как можно реже
Видит нас.
Еще прошу

Тебя, всевышний,
Дай разрешение
На моленье.
Грехи замолим,
Вспомним тебя,
Проклянем Иуду,
Иуду-царя.
Тебе я, всевышний,
Не надоем,
Доволен я буду
И радостен тем,
Что скоро дождуся
Свободы лучи
Всевышняя сила,
За все прости¹.

Данный вариант в отличие от приведенного выше является более глубокой переделкой: в нем не только больше строк, но

¹ Записано от Григория Прокопьевича Черняева, Сидора Варфоломеевича Горюнова, Мирона Федоровича Слепченко в городе Тайшете в 1938 году. Подробные сведения о приведенной песне сообщил Гурий Петрович Буцевич, неоднократно встречавшийся с В. Сорокиным и Т. Смородиновым. Последний, как утверждает Г. П. Буцевич, был поэтом. Свои стихи он записывал в толстые тетради и читал их только самым близким друзьям. Большая часть его стихов была посвящена красоте великой родины, любимой жене и своему единственному сыну, которого он не видел больше 15 лет. Дальнейшую судьбу Т. Смородинова и В. Сорокина нам выяснить не удалось.

и меньше дословных заимствований из прототипа, менее сохранен размер стиха, чаще встречаются ритмические отступления. Теперь трудно определить, чем пользовались импровизаторы: лермонтовским оригиналом или его вариантом, возникшим в Горном Зерентуе под названием «Молитва арестанта». В данном случае это не имеет существенного значения, так как по характеру нового варианта видно, что авторы переделки пытались создать такую песню, которая бы призывала людей к борьбе с самодержавием. В приведенном варианте сатира переплетается с мотивами декларативной поэзии. Это тот вид народного поэтического творчества, который более чем другие жанры поэзии незаметно, но верно воспитывал народ в духе ненависти к классовым врагам.

Произведения М. Ю. Лермонтова пользовались большой популярностью среди рабочих золотых приисков Сибири, особенно среди жителей Лено-Витимской тайги. Одни из переработанных песен отражают быт населения золотого промысла, другие — несправедливость предпринимателей по отношению к рабочим, третьи — призывают к борьбе против эксплуататоров. Многие переделки посвящаются конкретным событиям. Песни на стихи М. Ю. Лермонтова использовались и для создания новых сатирических народных произведений, бичевавших хозяев приисков и их чиновничью администрацию. От художественного мастерства импровизаторов и идейной направленности новых вариантов зависела их популярность среди рабочих золотых приисков. Одни из них прочно входили в песенный репертуар, другие, сыграв свою роль в определенный период, забывались, сохраняясь в памяти только у отдельных лиц, связанных каким-либо образом с фактами или событиями, отраженными в этих произведениях.

Из лермонтовского цикла переделок наибольшей популярностью среди населения Лено-Витимской тайги пользовался вариант песни «Выхожу один я на дорогу», в которой описывается жизнь молодого человека, решившего покинуть город и уйти в тайгу. Ему жаль покинутый дом, но его влечет неизвестность, тайга, простор, где он думает найти свободу и покой. Образ мещущей души перенесен из стихотворения М. Ю. Лермонтова в новый вариант полностью:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь тайгу далекий путь лежит,
Что на сердце, скажу только богу,
Пусть пока оно молчит.

В небе звезды светят тускло,
Спит тайга в сиянии голубом,
Жаль мне город, на сердце так
грустно,
Увижу ль снова я родимый дом.

В тасжной жизни многое найду я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
От невзгод мне хочется заснуть.

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лебя,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный лес склонялся и шумел.

Четвертая строфа прототипа в переделке отсутствует, в шестой строфе «темный дуб» заменен «темным лесом», остальные

строфы оставлены без изменения. Новый вариант имеет две дополнительные строфы, которые изменяют идейное содержание оригинала. Стихотворение М. Ю. Лермонтова заканчивается тем, что герой мечтает о покое, а в новых строфах переделки говорится, что радужные мечты человека разрушились, когда он соприкоснулся с действительностью. В поисках счастья он бесцельно растерял юность и приобрел лишь суму, с которой думает распрощаться, возвратившись домой, в родной город:

Так в мечте я жил надеждой
сладкой,
Юность растерял в тайге глухой,
А теперь на все смотрю с оглядкой,
Жизнь прожить нельзя с одной
мечтой.

Я бреду домой дорогой длинной,
Распростился с Леной и тайгой,
Скоро, скоро город меня встретит,
Распрощусь навеки я с сумой¹.

В некоторых вариантах переработки две последние строки второй строфы по своему содержанию прямо противоположны лермонтовским строкам:

У М. Ю. Лермонтова
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

В варианте рабочих
Мне не жаль, не больно и не трудно,
Без тоски покинул родной дом².

Две последние строки третьей строфы также подверглись переосмыслению:

У М. Ю. Лермонтова
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

В варианте рабочих
Я ищу свободы и покоя,
И найду я их когда-нибудь³.

Вариант песни «Выхожу один я на дорогу», записанный в конце 40-х годов XX века у рабочих прииска Карафтит, состоит всего лишь из трех строф. Первые две из них аналогичны при-

¹ Этот самый распространенный вариант записан от бывших рабочих Ленской тайги Ивана Меркулова, Федора Анисимова, Матвея Зеленовского. Все они грамотные, вместе участвовали в русско-японской войне, больше года находились в плену у японцев. Запись произведена в 1935 году в селе Качуге Иркутской области. РО БФ, инв. № 2892, л. 10. Аналогичный по содержанию текст записан от Филата Егоровича Горбунова, 61 года, неграмотного, бывшего рабочего Баргузинской тайги, в селе Максимихе Баргузинского аймака Бурятской АССР в 1936 году.

² Из варианта песни, записанной от Анны Прокопьевны Толстихиной, 62 лет, неграмотной, на прииске Бомбахта Баунтовского аймака Бурятской АССР в 1931 году.

³ Из варианта песни, записанной от Василия Дементьевича Егорова, 63 лет, бывшего рабочего Бодайбинских золотых приисков, в Иркутске в 1934 году.

веденному тексту, а третья — новая и по своему содержанию отличается коренным образом от других вариантов и своего прототипа. В ней говорится:

В таежной жизни всякое бывает,
Распростился с прошлым навсегда,
Кому я дорог, пусть память

сохраняет,
Но к старой жизни не вернусь
никогда¹.

Все эти варианты песни возникли среди рабочих Лено-Витимской тайги во второй половине XIX века, но их помнили жители приисков еще в 30—40-х годах XX века. Таким образом, данные переделки находились в репертуаре рабочего фольклора около ста лет.

В годы, предшествующие первой русской революции, и вплоть до Октябрьских дней на мотив «Выхожу один я на дорогу» появились варианты, насыщенные новым содержанием, которое было продиктовано настроением передовой части рабочих. В одном из вариантов первые две строфы оставлены без существенных изменений, но к ним прибавлены две новые строфы, в результате чего песня стала выражать волю рабочего класса, поднимающегося на борьбу с самодержавием. В этих строфах говорится:

В таежной жизни многое найду я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Не покой мне нужен, а свобода,
И под гром набатный я могу уснуть.

Чтоб всю ночь, весь день тайга
гремела
Песней звонкою о доле горняка,
Чтоб тайга без умолку шумела,
Поднимая руки на врага².

История возникновения этих строф такова. Во время стачек на Лено-Витимских приисках рабочим нужна была боевая песня. Один из рабочих попытался ее сочинить, но не смог. Тогда ему посоветовали переделать старую песню. Выбор пал на песню М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», так как она в различных вариантах пользовалась очень большой популярностью. К одному из таких вариантов рабочий добавил две строфы, и получилась нужная песня. Ее быстро подхватили сначала на Бодайбинских приисках, а затем рабочие Баргузинской тайги³.

¹ Из варианта песни, записанного от Григория Артамоновича Ефимова, 52 лет, грамотного, Зиновия Прокопьева, 49 лет, малограмотного, на прииске Карафит Баунтовского аймака Бурятской АССР в 1948 году.

² Записано от рабочих Бодайбинских золотых приисков Герасима Алексеевича Ларионова, 69 лет, неграмотного, Даниила Даниловича Скуратова, 58 лет, грамотного, Игнатия Сидоровича Харченко, 62 лет, грамотного, в городе Бодайбо в 1935 году.

³ Сведения сообщили бывшие участники стачек на Витимских золотых приисках В. М. Козлов, Д. И. Семенов и П. К. Алексеев в городе Бодайбо. В. М. Козлов вспоминал: на Витимских приисках «большим мастером-сочинителем

На мотив песни М. Ю. Лермонтова «Тамара» («В глубокой теснине Дарьяла») на золотых приисках Витимской тайги распевалась песня «В глубокой теснине Витима». В новом варианте рассказывается не о коварной и злой царице Тамаре, а о бродяге, который унес с собой в могилу тайну первой любви. При этом в новом варианте из песни М. Ю. Лермонтова «Тамара» заимствована в переработанном виде только первая строфа, следующие строфы по своему содержанию ближе стоят к его песне «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»). Такая контаминация в народной поэзии встречается часто. Обычно из одной песни берут наиболее знакомую и удачную строфу, которая передает напев, а из другой песни используются для переделки те строки, которые отвечают идейному замыслу нового варианта.

Песня «В глубокой теснине Витима» передает переживание бродяги, человека с большой силой воли, оставшегося наедине со своей мечтой о встрече с любимой. В Лено-Витимской тайге было немало людей, которых называли бродягами. Чаще всего это были люди с возвышенными чувствами, скромные и благородные, но в силу сложившихся обстоятельств в общественной или в личной жизни они отрешались от всего и становились бездомными. Своим внешним обликом и образом жизни эти люди вызывали к себе жалость, но они с презрением отвергали помощь или сочувствие. О таком бродяге и поется в варианте «В глубокой теснине Витима»:

В глубокой теснине Витима,
Где золото роют в горах,
Стояла избушка худая,
Прикрытая тесом, в горах.

Лежал в той избушке далекой
Бродяга, забытый тайгой,
Его жизнь была на исходе,
И ждал он судьбы роковой.

Однажды приснилось бродяге,
Что ожил он, сила в руках,
Поднялся с постели убогой
И твердо стоит на ногах.

Как будто пришла в ту избушку
Красавица первой любви,
Распущены косы, с улыбкой
И молвит сквозь слезы:

«Прости».

За что ты, бродяга, страдаешь?
Скажи нам про горе свое,
Тебя похороним мы скоро
И имя помянем твое.

Бродяга со сном не расстался
И очи навеки закрыл
И тайну любви невеселой
В сердце своем утаил¹.

прослыл один бывший каторжник по прозвищу Зозуля. Он долго жил там, до глубокой старости. Только скажешь ему: «Сочини, Зозуля, песню вот про то», и он через денек уже ее распевал. Любили Зозулю за песни и за правду. Многие его песни на приисках распевали. Но вот ту песню, что Ларионов с Харченко спели, сочинил рабочий Тихомиров Алеха... Ноне мы про нее и в училище ребятишкам рассказывали, а потом вместе спели. Славно получилось».

¹ Записано от группы девушек с прииска Циликан Анны Василенко, Марии Елшиной, Клавды Куприяновой в 1934 году. РО БФ, инв. № 2990, л. 23. Девушки восприняли эту песню от своих родителей. Когда мы обратились к отцу Анны Василенко Ивану Никифоровичу, то он сказал: «Песня эта старинная, раньше я

Песня М. Ю. Лермонтова «Два великана» («В шапке золота литого») была переделана в начале XX века в сатирическую песню, которая отражает борьбу приисковых рабочих против золотопромышленников. В новом варианте поется:

В шапке золота литого
Старый русский богатей
Поджидал к себе другого,
Чтоб приехал поскорей.

За горами, за долами
Повстречались они,
За столом и за делами
Дела сделали свои.

Гроза с тучей навалилась:
«Кто не хочет работать,
Чтоб отсюда провалились,
Массу темну рассчитать».

Тут рабочий улыбнулся
И как витязь отвечал:
«Люд рабочий уж проснулся,
Кабы вас он не прогнал».

В шапке золота литого
Старый русский богатей
Подхватил скорей другого
И бежать давай быстрей.

Но загнулись богатеи
И скатились под откос,
Получили от затей
Результатов с гулькин нос¹.

Авторство данной переделки приписывается рабочему прииска Федоровский Михаилу Кошкареву, по прозвищу «Кошка». Песня, как свидетельствуют старожилы золотых приисков Баргузинской тайги, отражает исторический факт, который имел место на прииске Иоанна Дамаскина (соседний с прииском Федоровский) в 1903 году. В октябре 1903 года в разгар золотодобычи на прииск приехал Бодров и его компаньон Позднеев. Рабочие устроили сходку и потребовали от хозяев, чтобы они выдали им теплую одежду и поставили дополнительно несколько рабочих на заготовку дров для пожаров. Некоторые рабочие выступали с требованием улучшить снабжение продовольствием и жилищные условия. Предприниматели посоветовались и сказали, что тех, кого условия работы не удовлетворяют, они могут рассчитать и отдали распоряжение управляющему уволить всех, кто «мутит людей». Один из рабочих подошел вплотную к хозяевам и сказал: «Прежде чем нас прогнать, мы вас самих отсюда вытурим». Рабочие поддержали его и начали грозить кулаками. Золотопромышленники испугались, побежали и в темноте скатились под откос. После этого случая и появилась песенка, высмеивающая трусливых хозяев золотых приисков.

В период кровавой расправы над участниками революции 1905 года среди рабочих Лено-Витимской тайги распространился вариант переделки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ветка

ее слышал и на Ленских и Ципиканских приисках, сам ее выучил лет 30 тому назад. Теперь ее не пою, пусть молодые потешатся, мы-то уж старики стали; с такими бродягами вместе жили и их хорошо знаем. Разные меж их люди были».

¹ Текст песни и сведения о ней сообщили рабочие прииска Троицк: Кузьма Тимофеевич Васильев, 75 лет, неграмотный, всю свою жизнь проживший в Баргузинской тайге; его друг, потомственный приискатель Илья Леонтьевич Латышев, 78 лет, неграмотный, участник сходки на прииске Иоанна Дамаскина; Николай Платонович Скобьский, 61 года, малограмотный; его жена Прасковья Ларионовна, 63 лет, неграмотная, бывшая кухарка золотопромышленника Бодрова. Запись произведена в 1934 году. РО БФ, инв. № 2991, л. 5.

Палестины»¹. Текст М. Ю. Лермонтова был заменен полностью. Новый вариант, бытовавший под названием «Плетка властелина», отражал возмущение рабочих золотопромышленности действиями карательных отрядов царского правительства. Рабочие верили в свои силы и говорили, что буря народного негодования в конце концов должна смести царский трон, а вместе с ним и тех, кто его поддерживает. Уже тогда рабочие предвещали скорый праведный суд над тиранами и захват власти народом.

В. И. Ленин прекрасно знал настроение трудящихся масс и их стремление к уничтожению самодержавия, поэтому в конце 1910 года он уверенно писал: «Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой»².

Предчувствуя скорую победу в суровой борьбе с буржуазно-помещичьим строем, рабочие открыто обвиняли царя в кровавых злодеяниях. В песне «Плетка властелина» лермонтовский ритм стиха выдержан от начала до конца, он оказался удобной и легко воспринимаемой поэтической формой. В создании нового варианта, несомненно, участвовал поэт. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся в нем чисто литературные обороты речи. Приведенный ниже вариант песни «Плетка властелина» имел устойчивый текст и в дореволюционное время исполнялся без существенных изменений.

Скажи мне, плетка властелина,
Ведь существуешь ты не зря,
Как больно бьешь рабочи спины,
Подруга верная царя.
Как ты вбиваешь в мысль народа
Доверье к власти пауков,
И жажду равенства свободы
Дашь ценою синяков.
От Петербурга до Китая
Гуляешь в царственных руках,
Свисти, взвывая и шелкая,
Ты нагоняешь жуткий страх.

Рабочих гонишь ты к расстрелу,
Бьешь старцев, юных сыновей,
Ты разбиваешь хлестко, смело
Головки маленьких детей.
Но скоро будешь в куче хлама,
Среди погон и галунов,
А рядом, точно в мелодраме,—
Кружок тоскующих чинов.
Средь них и твой хозяин бравый,
Теперь уж он боится сам,
Что суд народный, скорый, правый,
Плеть приберет к своим рукам³.

¹ В Сибири это стихотворение вызвало очень много подражаний. В дореволюционное время в периодической печати были опубликованы десятки поэтических вариантов на самые различные темы. Большая часть подражаний носила сатирический характер. В частности, в «Сибирской газете» за 1888 год, № 31, стр. 7 напечатано любопытное стихотворение «Скажи», в котором говорится о назначении сабли в зависимости от того, в чьих руках она находится.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 72.

³ Записано в 1935 году от группы рабочих Бодайбинских приисков Артема Иннокентьевича Носкина, 41 года, грамотного, Серафима Алексеевича Тисляева; 48 лет, грамотного, Владимира Исаевича Чистякова, 63 лет, малограмотного. По свидетельству старого рабочего Ленских приисков В. Н. Голубева, данная песня исполнялась на разные мотивы. В подтверждение своих слов он исполнил ее совсем на другой мотив, чем указанные выше осведомители. Дословный ва-

С какой легкостью переделывались песни М. Ю. Лермонтова, говорит и другой факт. Его известная песня «Парус» («Белеет парус одинокий») (1832) в конце прошлого века была переделана в песню «Белеют горы одиноко», в которой рассказывается о жизни бродяги, скрывающегося в таежной глуши. Этот вариант «Паруса» сначала бытовал в основном среди рабочих Витимских золотых приисков, где скрывалось немало людей, убежавших с Нерчинской каторги, но в начале XX века он приобрел популярность почти на всех золотых приисках Баргузинской тайги. К трем внешне незначительно переделанным лермонтовским строфам неизвестный поэт добавил еще одну строфу, и песня приобрела совсем иное содержание:

Белеют горы одиноко
В тумане неба голубом.
Что ищет он в тайге далекой?
Что кинул он в краю родном?
Метель играет, ветер свищет,
Лес волнуется, шумит.
Бродяга счастья не ищет
И не от счастья бежит!

За ним стрелок следит повсюду,
Скрываясь в чаще темноты,
И если выстрел даст оттуда,
Не миновать большой беды.
Бродягу скроет сила бури,
Он ждет метели снеговой,
Она милей, светлей лазури,
Метель даст ему покой!

Иное содержание в переделке «Паруса», бытовавшей в Якутии в конце XIX и начале XX века. Якутский вариант насыщен революционными мотивами: герой ждет, когда народ возьмется за оружие, чтобы избавиться от своих извечных врагов. «Мы пели эту песню открыто в первый раз в 1897 году, а потом в 1902 году, — вспоминает Иван Митрофанович Чашин, один из организаторов революционного движения рабочих золотой промышленности Лено-Витимской тайги. — Как появилась эта песня в Якутии, не знаю, ее кто-то сюда из других мест занес, а может, она тут родилась. Но только хорошо помню, что ее любили петь в Верхотенске, в Олекминске, в Вилюйске и в других местах Якутской тайги, которую я в свое время исходил вдоль

риант «Плетки властелина» записан на прииске Кедровка от большой группы рабочих в 1931 году, но в нем отсутствует третий куплет. В варианте, записанном в 1946 году от бывшего горнорабочего В. П. Козлова в селе Большой Куналей Тарбагатайского аймака Бурятской АССР, нет второй строфы, а в последней строфе вместо слов «среди них» поется «меж их», слово «теперь» заменено словом «скупит». В период гражданской войны песня «Плетка властелина» была переделана: она отражала борьбу рабочих и крестьян с Колчаком. См.: Л. Е. Элиасов. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957, стр. 93—94.

¹ Записано от рабочего Леона Елизаровича Хомякова, 63 лет, грамотного, на прииске Федоровский Баунтовского аймака Бурятской АССР в 1936 году. РО БФ, инв. № 2991, л. 6. «Впервые эту песню я со своим отцом услышал на прииске Бомбуйке лет 40 назад от двух рабочих, которых тут называли бродягами. Они говорили, что песню сочинил их товарищ. Он три раза убегал с каторги, а сидел там за пустяки какие-то. На прииск Федоровский эту песню мы с отцом принесли, а на другие как она попала, не знаю. Ее тут на всех приисках все поют, полюбилась она приискателям», — рассказал Л. Е. Хомяков. На прииске Ауник записан аналогичный вариант, только в последнем куплете слово «сила» заменено словом «сильна», а в последней строке переставлены слова «метель ему дает покой».

и поперек. Петь эту песню было легко, она многим приходилась по душе. Помню ее и по сей день:

Белеют горы одиноко
В тумане неба голубом.
Что ищет там беглец далекий,
Покинув родину и дом?

Над ним играют звезды, тучи,
Над ним луч солнца золотой.
Несчастье, горе — все забыто,
Беглец воспрянул всей душой.

Играет солнце, ветер свищет,
Тайга волнуется, шумит.
Беглец укрытие находит,
В тоске и гневе он молчит.

Мечтает он, когда проснутся
Мужик, беглец в краю чужом,
И за дубины все возьмутся,
Чтобы расправиться с врагом!

О бытовании приведенного варианта в Якутии свидетельствуют и другие старожилы золотых приисков Северной тайги, сохранившие отдельные куплеты текста. Некоторые рабочие, жившие в свое время в Якутии, утверждают, что этот вариант неполный, что в нем еще белось и о том, как «царь натягивал паруса, чтобы уплыть в неведомые края, где он должен спастись от мести тех, кого он презирал и угнетал»².

В период гражданской войны переделку песни «Парус» распевали многие партизаны Забайкалья и Дальнего Востока. В данной переделке слова М. Ю. Лермонтова в основном были заменены, содержание сводилось к следующему: метель — естественная могила для врагов и защитница народных мстителей. От партизанской песни сохранились лишь два куплета:

Метель играет, ветер свищет,
Лес волнуется, шумит.
Партизан врага разыщет
И на месте отомстит.

Партизан сдружился с бурей,
Ждет метели снеговой,
Она милей, светлей лазури,
Врагов укроет на покой³.

Из приведенного материала ясно видно, что творчество М. Ю. Лермонтова оказало большое влияние на развитие народной поэзии Сибири. Переделки носили глубоко осознанный характер. В фольклорном репертуаре они занимали немалое место, а следовательно, играли активную роль в жизни народа.

¹ Записано от И. М. Чашина, 1872 года рождения, грамотного, в городе Алдане Якутской АССР в 1940 году.

² Эти сведения даны Андреем Николаевичем Козловым, Василием Степановичем Филимоновым и Надеждой Васильевной Федоровой в городе Алдане в 1940 году.

³ Записано от бывшего партизана Куприяна Покацкого в селе Ганзурино Тарбагатайского аймака Бурятской АССР в 1948 году. РО БФ, инв. № 2992, л. 6. О популярности переделки песни «Парус» в период гражданской войны свидетельствовали бывшие партизаны: Т. В. Лощенков на Ивановских золотых приисках Джидинского аймака Бурятской АССР в 1939 году, А. М. Иванов в селе Бичуре Бичурского аймака Бурятской АССР в 1939 году, Н. Василенко в Улан-Удэ в 1960 году.